

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА КАК СИМПТОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО⁶

В.В. Кизима

Данная статья посвящена описанию основных черт и сущности антропологического кризиса современной цивилизации. В исследовании разрабатывается стратегия выхода из кризисного состояния средствами сизигийной антропологии.

Ключевые слова: человек, цивилизационный кризис, сизигийная антропология.

Мир ввергается в антропологический кризис, который одновременно является кризисом цивилизационным, поскольку по своему значению и последствиям потенциально превосходит все прочие, активно обсуждаемые сегодня в обществе – политические, финансовые, военные, религиозно-этнические, межнациональные, сырьевые и продовольственные, и даже «конвергенцию катастроф», к которой, как считает модный ныне в Европе автор Гийом Фай, движется современное человечество. Превосходит, поскольку касается их глубинного основания – человека. Для понимания его сущности прежние антропологические достижения оказываются явно недостаточными. Нужна новая антропология. В данной статье получает дополнительное обоснование понимание ее как *сизигийной*, ранее выдвинутое в работе [1].

ЧЕРТЫ И СУЩНОСТЬ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Сегодняшний антропологический кризис обозначился, а затем разразился во второй половине XX века и продолжается сегодня в новой форме, вследствие чего можно говорить о *двух его этапах*.

Первый этап наиболее отчетливо представлен в работах философа Герберта Маркузе, менеджера, главы филиала итальянской фирмы «Фиат» Аурелио Печчеи и американского журналиста Э.Тоффлера, что само по себе показательно. То, что кризис первоначально был зафиксирован не только философским языком Г.Маркузе «сверху» (в связи с проблемой «одномерного человека», но не только с ней), а и оказался прочувствованным «снизу» представителями конкретных специальностей – экономистами, бизнесменами, математиками и др., собравшимися вокруг А.Печчеи в рамках Римского клуба, а также был выражен в ярких публицистических рассуждениях журналиста и футуролога Э.Тоффлера о футурошоке, - все это с самого начала свидетельствовало о глубине и мощности

---

⁶ Работа выполнена в рамках украинско-российского проекта №29 (Постанова Президії національної академії наук України №88 від 30.03.2007 р.).

надвигающихся проблем, фокусирующихся, как постепенно стало ясно, на человеке.

Начавшаяся как общая попытка осмыслить судьбы глобализирующегося человечества, работа Римского клуба в виде его многочисленных резонансных докладов постепенно привела к осознанию того, что главный источник мировых проблем связан с общим их эпицентром - человеком. В своей последней работе (1977г.) А.Печчеи писал, что «триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу» и отмечал, что нельзя без конца уповать на всякого рода общественные механизмы, на обновление и усовершенствование социальной организации общества, когда на карту поставлена судьба человечества, поскольку не они определяют, в конечном счете, его судьбу. Суть дела определяется Печчеи следующим образом: «Истинная проблема человеческого вида в данной ситуации его эволюции состоит в том, что он оказался *неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир*» [2 с.43-44] (*курсив – К.В.*). Печчеи прямо указывает, что *человек оказывается неспособным соответствовать тем изменениям, которые сам вызывает*. Другими словами, к середине XX в. мы оказались в парадоксальной ситуации усиливающегося *несоответствия нас жизни, которую мы сами себе создаем*. Отсюда, естественным является дальнейший вывод Печчеи относительно преодоления данной ситуации: поскольку проблема «находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне», постольку и ее решение «должно исходить прежде всего и главным образом *изнутри его самого*» (*курсив – К.В.*). Что это означает, Печчеи не объяснил, сведя ответ к общим словам о необходимости изменения самого человека, о «революции в самом человеке», о развитии «человеческих качеств».

Та же мысль проводится в работах Элвина Тоффлера. Его ранняя книга «Футурошок» (1970г.), - бестселлер, который, как пишется в аннотации одного из последних ее изданий на русском языке, представляет интерес для читателей «от домохозяйек до научных работников», вышедший на год позже первой работы Печчеи, начинается словами: «Эта книга о том, что происходит с людьми, испытавшими потрясение от перемен. О том, как мы приспосабливаемся к будущему или терпим в этом поражение» [3, с.4]. Стремительный поток перемен, пишет Тоффлер, настолько сильный сегодня, что «из-за него подрываются устои общества, меняются ценности, забываются корни». Проблема та же – человек не успевает адаптироваться к переменам, которые сам же создает. Рекомендации у Тоффлера менее радикальны, чем у Печчеи, но сходны по смыслу: «человеку необходимо быстро научиться контролировать темпы перемен, как в своей личной, так и в общественной жизни в целом, иначе большинство из нас утратит способность приспосабливаться». Тоффлер более публицистичен и метафоричен, чем глубок. Кризис человека он видит не в отношениях человека и общества, человека и природы, а в утрате адаптации человека к общественным изменениям и, к тому же, предостерегает, что внесение соответствующих перемен будет чревато существенными издержками. Последующие его работы, особенно «Третья волна»,

носят характер не столько ответа на антропологический вызов, сколько описывают новое супериндустриальное общество, где, как предполагается, проблемы могут быть сняты сами собой. Здесь, в отличие от первой работы, уже доказывается *необходимость* определенных и достаточно быстрых перемен, без которых издержки могут оказаться не менее значимыми. Иначе говоря, картина дорисовывается не столько вглубь, сколько вширь, теоретический анализ подменяется футурологическими гипотезами. Но в общем случае, у А.Печчеи и Э.Тоффлера акцент делается на высокой динамике перемен и рисуется общее пространство антропологического кризиса. При этом следующие из этих важных, но неизбежно еще общих рассуждений выводы являются недостаточно технологичными для того, чтобы идти в соответствии с ними по пути каких-либо практических шагов.

Сегодня происходит существенная конкретизация затронутых этими авторами проблем, что можно оценивать как *второй этап* кризиса. Данная конкретизация связана с феноменом *деидентификации* человека, который хотя уже и проявлялся в середине XX века, но еще не стал тогда центром внимания. В отличие от этого сегодня говорят об «идентификационной катастрофе населения», о «тотальном идентификационном дефолте». Дошло уже до того, что на семинаре Дипломатической Академии МИД России говорилось, что это явление затрагивает профессиональных дипломатов, для которых «правильная идентификация в быстро изменяющемся мире является основой профессионального эффективного действия» [4, с.120]. В качестве одной из главных причин этого рассматривается «несформированность у кадровых дипломатов системы идентификации и обеспечивающей ее рефлексивной структуры сознания». На самом деле текучесть событий не позволяет вырабатывать адекватную систему идентификации. В случае с дипломатом ход политической жизни таков, что официальная позиция, которую должен отстаивать дипломат (а именно в этом заключается его профессиональная самоидентификация), не успевает вырабатываться из-за отставания дипломатической мысли от динамики изменений политических отношений.

Фактически, данные вопросы возникли как следствие развития отмеченной Печчеи и Тоффлером высокой изменчивости процессов в современном обществе и роста разнообразия индивидуальных форм мобильности людей, из-за которых происходит размывание традиционной профессиональной и социальной структур, т.е. идентифицирующих человека факторов. Социологи, подтверждая наличие деидентификационных процессов, говорят о том, что «плывет» традиционная социальная стратификация, а вместе с этим утрачиваются привычные маркеры идентификации человека. Отмечается [5], что сегодня не только индивиды перемещаются между позициями, что было и раньше, но и сами позиции пришли в движение и не могут составить сколько-нибудь стабильные конфигурации. Единство индивидов и позиций уступает место расщеплению, их взаимной дифференциации. Человек освобождается от обязательств перед требованиями своего статуса, принадлежать к позиции и участвовать – отныне не одно и то же. Происходит совмещение и сближение самых разнообразных, даже контрастных ролей, утрачивается постоянство центров тяготения и приоритетов, разделение на

объектов и субъектов не дано априори и навсегда. Самый цитируемый в мире социолог Энтони Гидденс дает характерное название циклу своих лекций, прочитанных по каналу всемирной службы Би-би-си и изданных затем в виде книги [6], - «ускользающий мир». В работе российских авторов отмечается, что в начале 90-х гг. XX в. "предмет исследований - социальные структуры - находился в ситуации изменения, становления нового качества, был аморфен", происходило не только "появление ранее не существовавших страт в системе стратификации - прежде всего класса крупных и средних собственников, слоя "новых бедных", маргиналов, безработных, но и соответствующая адаптация этих слоев ко вновь возникающим статусно-ролевым функциям, переориентация социальной и личной идентичности" [7, с. 6,7]. Этому способствует и тотальное развитие нивелирующих центр-периферийные различия коммуникативных средств, погружение социума в единое информационное и знаниевое поле. Как отметил главный редактор журнала «Вопросы философии» В.А.Лекторский в беседе с Б.И.Пружининым, цивилизация знаний размывает индивидуальную и коллективную идентичность настолько, что разговоры о «смерти человека» являются отнюдь не случайными [8]. Вместе с этим меняется и тип неравенства людей. Сегодня в обществе границы все чаще проходят не там, где стоят пограничные посты, а там, где есть информационные барьеры [9, с.57-58]. Происходит нарастание информационной несправедливости, «цифровой раскол» общества по принципу степени вовлечения стран и обществ в мир современных технологий, что порождает информационную маргинализацию значительной части населения планеты. Общим выводом из всего сказанного сегодня могут служить слова: "Время незыблемых и твердых идентичностей истекло" [5, с.16].

Но дело не ограничивается размыванием ценностей, неопределенностью перспектив, постоянной борьбой с окружением и усилением массовой динамики. Сегодняшний идентификационный кризис все больше приобретает характер «войны идентичностей» [10]. С одной стороны развитие т.н. „политики идентичностей“, о которой сегодня все чаще говорят, ведет к поиску коммуникативных схем, по возможности удаленных от „поиска врага“ и противостояния разных идентификационных групп, но с другой стороны, это ведет к ущемлению права людей говорить от имени своих групп. В этих условиях, отстаивание традиционных идентификаций ведет к дестабилизации общества (одномерность национальной идентификации, отмечает Э.Ян, - это феномен *воюющего общества* [11, с.122-123] (*курсив* – К.В.). А чем неопределенней идентификации, тем их больше и тем подвижней ситуация, а их иерархия склонна к трансформациям и мутациям [10, с.51-52]. В целом же все это ведет к тому, что идентичности становятся множественными, переплетающимися и изменчивыми.

Как все это связано с антропологическим кризисом? Тенденция деидентификации внешне предстает как самостоятельный социальный процесс. Но на самом деле она обуславливает-таки антропологический кризис, поскольку вызывает *две прямо противоположные тенденции, сталкивающиеся в человеке и создающие в его голове горючую смесь творческой свободы и анархии, вырождающуюся в то, что можно назвать неконтролируемой бестолковой*

активностью. Кризис идентификации имеет одновременно позитивный и негативный смысл для человека, что задает сущностную неопределенность и создает антропологическую дилемму.

С одной стороны, благодаря ему решается маркузевская проблема одномерности человека, казавшаяся до сего дня неразрешимой. Если остановиться на этом подробнее, дело обстоит в следующем. Г. Маркузе полагал, что в индустриальном обществе традиционное господство «преобразуется в администрирование» [12, с.42], в результате чего «осязаемые источники эксплуатации исчезают за фасадом объективной рациональности». Поскольку администрируемая жизнь становится, в то же время, стандартом благополучной жизни для общества, люди воспринимают ее как позитивный момент, более того, свою жизнь выстраивают как движение вверх по сформированной социальной лестнице. В результате, против ее изменения объединяются даже противоположные силы [12, с.335]. Человек в этих условиях все больше укореняясь в административной системе, одновременно становится „одномерным“. Согласно Маркузе, естественным образом формируется автоматическая *идентификация одномерностью*, нивелирующая людей, являющаяся продуктом „изошренного, научного управления и организации, которая сводит на нет „внутреннее“ измерение сознания – основу оппозиции status quo“. В обществе исчезает критическая сила разума, он превращается в покорность фактам жизни. [12, с.14-15]. Это значит, исчезает исторический субъект, способный открывать новые горизонты свободы. Антропологическая и одновременно социальная проблема, которую обозначил Маркузе, звучит так: „как могут управляемые индивиды, которые превратили процесс своего увечия в свои собственные права, свободы и потребности, воспроизводимые в расширяющемся масштабе, освободить себя от самих себя и от своих хозяев? Можно ли вообще помыслить, что этот замкнутый круг будет разорван?“ [12, с.329]. Выход, предложенный Г.Маркузе в своем „Великом Отказе“ оказался утопичным, что подтвердили бурные социальные события, происходившие во Франции в середине XX в. Казалось, что человечество попало в исторический тупик одномерности. Но исторический парадокс состоит в том, что обозначившийся сегодня процесс деидентификации *фактически решает проблему одномерности*, поскольку ведет к размыванию репрессивной идентификационной сети „рамок одномерности“. И, что важно, происходит это без кровопролитных революций, „само по себе“.

О том, что это действительно так, свидетельствуют и тенденции данного процесса, подмеченные, но недостаточно осознанные уже в работах Тоффлера, хотя этот автор и склонен за ними видеть создание «нового социального характера» и ищет те черты этого характера, «которые с наибольшей вероятностью будут цениться цивилизацией завтрашнего дня» [13, с.602]. Черты, которые рисует Тоффлер во многих случаях гипотетичны, постоянно сопровождаются словами «наверное», «вероятно», «следует ожидать» и т.п. Но, говоря о «новом работнике», он, используя и социологические материалы, указывает на явления, которые действительно имеют место уже сегодня [13, с.606-610]. В частности отмечает: работа становится все более разнообразной, менее фрагментаризированной, каждый

выполняет более крупные, а не мелкие задания, гибкий график и свободный темп заменяют прежнюю потребность в массовой синхронизации поведения. Работникам приходится справляться с более частыми переменами в их работе, а также со сбивающим с толку чередованием переводов персоналов, изменениями продукции и реорганизациями. Работодатели испытывают возрастающую потребность в работниках, которые принимают на себя ответственность, понимают, как их работа связана с работой других, быстро адаптируются к изменившимся обстоятельствам и которые чувствуют настроения людей вокруг них. Сегодня нужны люди, отмечает Тоффлер, с меньшей запрограммированностью, более быстрые на подъем. Это сложные люди, индивидуалисты, гордящиеся тем, что не похожи на других. Наряду с финансовым вознаграждением они *ищут в работе смысл*. Некоторые компании предлагают сейчас работникам не фиксированный набор дополнительных льгот, а отпуска, медицинские льготы, пенсии и страхования по их выбору. Каждый работник выбирает их исходя из своих нужд. Нет такого одного набора стимулов, которым можно мотивировать весь спектр рабочей силы. Среди разнообразных вознаграждений за работу деньги больше не имеют такой мотивирующей силы, как раньше. Достигнув определенного уровня доходов, люди начинают сильно отличаться в своих потребностях. Характер власти также меняется. Работники имеют одновременно более одного руководителя. Разные по рангу и квалификации люди встречаются во временных, созданных для решения конкретных вопросов, группах. Разногласия решаются без участия общего начальника. Разные мнения ценятся, люди выражают свою точку зрения даже когда знают, что другие могут не согласиться. Такая система наказывает работников, проявляющих явное послушание и вознаграждает тех, кто возражает в разумных пределах. Все эти тенденции можно оценить как позитивные, поскольку объективно они направлены на раскрепощение человека и более полное проявление его сущностных сил.

Но, с другой стороны, размывание идентификационных механизмов несет и опасность. Она состоит в том, что при утрате параметров идентификации *само понятие идентификации человека начинает терять ценность и смысл*. А это чревато утратой внутренней пружины жизни – тех фундаментальных вопросов, которые гностик Феодот выразил словами: «Кто мы? Кем стали? Где мы? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся? Что такое рождение и что возрождение?», а Кант: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?». Кризис самоидентификации чреват утратой человеком не только жизненных ориентиров, а и *самого человеческого качества в сложившемся его виде*. Сущностные силы человека все больше скрываются за симулякрами, лишь имитирующими эти силы. Моделью этого процесса может служить сегодня общение в интернете, особенно если человек (чаще всего молодой) просиживает за компьютером многие часы и дни. Как свидетельствует в своей диссертации молодая исследовательница, в этом случае он берет себе придуманное имя, пол, внешность, социальное происхождение и статус, смыслы, чистоту языка, религиозную веру, имущественное состояние, национальность, привычки, обычаи, увлечения, недостатки. Он имеет возможность мгновенного перехода из одной системы ценностей в другие и симулирования самого себя в разных качествах, что

порождает иллюзию легкости самоутверждения, а на самом деле ведет к релятивизации норм и постоянному принуждению к искусственному выбору где и кем быть в конкретный момент [14, с.5]. Такая субкультура мировой сети отнюдь не безобидна, поскольку, приучая свободно и безнаказанно играть со смыслами и ценностями, нормами и правилами, она саму реальную жизнь также превращает в игру, игра становится первичной, а жизнь вторичной. В таком случае неизбежно столкновение компьютерного способа мышления и реальности, чреватое личностными и социальными кризисами и непредвиденными последствиями. Молодежь, которая втягивается в этот процесс, потенциально асоциальна своей оторванной от реальности нигилистической бравадой и неукорененностью в основах бытия, представляет очередное историческое потерянное поколение. Те из молодых людей, которые понимают ничтожность модных увлечений, но не имеют других смыслов, попадают в тяжелую субъективную ситуацию. Размыwanie идентичностей, помимо того, что оно сказывается на психологическом состоянии, влечет обострение борьбы социальных групп за отстаивание своих традиционных идентификационных параметров, порождает „войну идентификаций” в форме противостояний по национальному, религиозному, региональному и иным признакам.

Внешнее проявление кризиса смыслоутраты стало сегодня настолько очевидным, что позволяет изучать его эмпирически. С одной стороны, ведутся наблюдения, описания и типологизации детей с превышающими обычные стандарты умственными способностями (т.н. детей-индиго), не вписывающимися в существующую систему отношений настолько, что их иногда считают страдающими аутизмом. С другой, как показал Виктор Франкл, утрата человеком смысла (объектами его исследования были в основном молодые люди, студенты) ведет к суицидальным исходам, наркомании и алкоголизму, и там, «где налицо экзистенциальный вакуум» [15, с.33], разрастаются агрессивные импульсы, т.е. идут процессы деградации. Релятивизация норм идентификации может рассматриваться и как проявление диффузии норм и регуляторов жизнедеятельности, что опасно не только для индивида, а и для стабильности общества. Реальной становятся ситуации вседозволенности, подобные описанной Г.Кюнгом: «Если представить, что *нет* никакого персонального риска, то почему преступнику нельзя убивать своих заложников, диктатору – угнетать свой народ, экономической группе – эксплуатировать свою страну, нации – начинать войну, военному блоку – в экстремальном случае посылать ракеты против второй половины человечества» [16, с.10]. Возникает потребность в новых основаниях жизни, которые бы исключали релятивизм в человеческих отношениях. Коммуникативная философия, которая пытается решить данную проблему путем поиска общезначимых и общеприемлемых регуляторов жизни, предлагает лишь утопичные варианты поиска «консенсуса» путем всеобщего дискурса. Идея утопичная для ситуации, когда не могут договориться несколько министров в одном правительстве или соседи по этажу. Без учета иных, более глубинных оснований человеческого бытия, договорные отношения не могут служить базой социума даже и в тех случаях, когда они достигаются, поскольку в любой момент могут быть нарушены.

Из сказанного следует, что современный человек оказался на *пересечении мощных влияний двух процессов, имеющих общее основание, – деидентификацию. С одной стороны она позволяет ему преодолевать свою одномерность и раскрывать творческие возможности, с другой – чревата утратой им основополагающих смыслов жизни, ставит под вопрос само бытие человека, превращает жизнь в нечто, хотя и более свободное и широкое, но, одновременно, и поверхностное, игровое, в лишенное ответственности бездумное развлечение.* В этом и состоит **сущность современного антропологического кризиса** как состояния неопределенности, в котором, получая дополнительную свободу действий, человек, одновременно, уплощает и обесмысливает данную свободу, ставя социум и себя на грань бытия и небытия.

ВОЗМОЖНЫЕ ИСХОДЫ

Указанная ситуация имеет позитивный выход только в том случае, если рассматривать ее как временное *переходное состояние*, движение от старой системы идентификации к некоей более глубокой и гибкой, как этап на пути от деидентификации к *реидентификации на новой основе*. Данный вывод правомерен потому, что человек не может безнаказанно пребывать длительное время вне самоидентификации. Уже возрождаются старые феодоровские вопросы в новой форме, например в такой: «а есть ли у человека такое нечто, что остается и будет оставаться инвариантным при всех ... воздействиях и изменениях?» и «должно ли быть нечто, что при всех этих воздействиях и изменениях следует сохранять, оставлять неизменным?» [17, с.17]. Сегодня как никогда очевидны слова Эриха Фромма о том, что для человека потребность самоидентификации может быть «порой сильнее, чем потребность в физическом выживании» [18, с.64-65]. Текущий кризис – это проявление событий, которые всегда сопровождали исторический процесс, но сегодня они имеют глобальный характер, когда *родовой* человек не сдерживается прежними идентифицирующими рамками, но не может и возвратиться к ним. Он переживает эту ситуацию как поиск нового, глобального соответствия с миром и на пути этого поиска может не останавливаться даже перед опасностью утраты самой жизни, поскольку вне данного поиска жизнь теряет смысл, о чем свидетельствует динамика суицидов, особенно среди молодежи.

Но параллельно идет и положительный процесс переживания данной непростой ситуации не только отдельными людьми, а и значительными массами населения целых регионов и континентов, толкающий эти массы на *практические* поиски более универсальных, если не сказать глобальных, форм отношений и смыслов. Подобные времена становятся обычно временами *пассионариев* и *пассионарности* (специфической возбужденности, проявляющейся в непреодолимой тяге к действию). С момента введения этого понятия Л.Н.Гумилевым не прекращаются попытки разобраться в его сущности и источнике. На самом деле эта сущность проста – она состоит в поиске людьми *выхода из смысловой неопределенности*, в которую их ставит жизнь, и эти поиски стократ усиливаются, когда в них втягивается жизнь миллионов людей. Смысловая аморфность – истинный источник пассионарности. Когда такое состояние охватывает все общество, явление пассионарности становится неизбежным и

достаточно частым. Для его проявления нет необходимости в особых генетических сдвигах и мутациях в организме «избранных» людей, поэтому недостаточно адекватным представляется описание пассионариев как уникальных «людей нового склада», «ломающих сложившийся уклад жизни», «со слабым инстинктом самосохранения», обладающих мощными положительными или отрицательными мотивами (жаждой власти, денег и т.п.), «способными к сверхнапряжению» и т.д. Источник пассионарности проявляет себя каждый раз, когда мы не хотим мириться с наличной ситуацией как нетерпимой для нас, он присутствует в природе каждого человека, иначе бы лидеры не смогли увлекать массы людей. Пассионарии - это люди, способные своей активностью объединить людей разных видов деятельности на преодоление ненормальной ценностно-смысловой ситуации или мыслимой ими как таковая. Они чувствуют нетерпимость своих состояний сильнее других, находят выходы из них раньше, чем другие и увлекают на переустройство идентифицирующих оснований все общество, не останавливаясь перед грозящей лично им опасностью погибнуть на этом пути, как и самоубийцы. Но это не самоубийство из-за безысходности, поскольку несет перспективу и не обязательно означает физическую гибель, а кроме того, если эта гибель происходит, она исходит не от самого человека, а от социума, по крайней мере опосредуется им, и потому не есть самоубийством в собственном смысле этого слова. Пассионарий – человек меняющий мир через преодоление хаоса смыслов и ценностей, в котором этот мир (и человек вместе с ним) оказался. При этом на месте деидентифицирующейся системы ценностей может появляться несколько конкурирующих новых идей, а их носители и проповедники могут бескомпромиссно вести длительную борьбу за свои правды, одни, давая обществу жизнь и радость, другие – повергая его в смертные испытания и муку. Поэтому процесс утверждения новых смыслов является особым состоянием, требующим самостоятельного анализа с позиций изучения механизма развертывания его рефлексивности. В нем антропологическая сторона непосредственно соприкасается с социальной, индивидуальные микропроцессы переплавляются в социальные макропроцессы, равно как и массовые социальные движения могут распадаться на специфические действия отдельных людей.

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ

Что следует из вышесказанного? Дело оказывается, в конечном итоге, не в деидентификации человека как таковой, а в более глубоких и комплексных явлениях, которые стоят за ней и определяют как ее позитивный, так и негативный моменты. Эти более глубокие основания связаны с историческим выявлением новых уровней субстациональности и субстратности жизни общества и самого человека. Имеет место самоорганизующийся процесс развития связей внешней и внутренней жизни человека, при котором динамика в структуре самости человека влечет преобразование социальных идентифицирующих отношений, а динамизм социальной стратификации сказывается на внутренней жизни последующих поколений. В сегодняшней ситуации решение проблемы самоидентификации состоит не в том, чтобы пытаться реанимировать старые основания идентификации, поскольку это невозможно, а в раскрытии новых внутренних параметров самости человека, соответствующих глобально изменившейся социальной ситуации. Это

решение упирается в *открытие новых, соответствующих ситуации XXI века, сущностных сил человека и установлении на этой основе новой системы общественных отношений*. Поэтому вопрос о преодолении антропологического кризиса оказывается также и вопросом о формировании новой самоидентификации человека и общества.

В общем же случае, речь идет о том, что *природа человека должна каждый раз открываться по-новому и уясняться до такой степени, чтобы это позволяло человеку понимать свое место в меняющемся мире*. И наоборот, *открытие новых сторон сущности человека всегда меняло место человека в жизненных обстоятельствах и вело к изменению данных обстоятельств и новому историческому этапу развития культуры*. Имеет место **закон соответствия внешней жизни человека в мире актуализирующемуся в новых условиях внутреннему миру и представлениям человека о самом себе**. Этот закон инверсии как тенденция всегда осуществлялся в обществе. А.И.Герцен отметил как-то: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*» [19]. В XXI веке говорят об антропогенных кризисах, происходящих как следствие нарушения в обществе баланса «силы» и «мудрости», т.е. коллективного могущества человечества, достигаемого в ходе практической деятельности людей, и нравственных начал, которые ему соответствуют. Сегодня, пишет А.П.Назаретян, такой кризис «способен обернуться в обозримом будущем либо планетарной катастрофой, либо переходом в новую эволюционную фазу» [20, с.458-467, с.461; 21, с.228-239]. Указанный закон соответствия должен, однако, получить не только эмпирическое, а и теоретическое обоснование.

В условиях значительных изменений внешних параметров человеческих отношений, в которых мы оказались сегодня в связи с процессами глобализации, традиционная идентификация по социально-ролевым статусам должна быть дополнена более устойчивыми характеристиками, связанными с глубинными измерениями *родового человека, с универсально человеческим в нем, с тем, что формируется вместе с самим человеком* и, в общем случае, не исчерпывается только социальной стороной, тем более отдельными чертами меняющейся социальности. На первое место должно выходить то в человеке, что сегодня, как сказала одна польская исследовательница, проявляется в основном вне работы и бизнеса, «оставляется на воскресенье», что имеет для человека значение *сокровенных истин*. Фактически, вся история есть превращение сокровенного в публичное и у каждого времени сокровенное оказывается своим. В таком случае, опускание в глубинную сущность полноты и целостности человека, снимающее внешний хаос его существования, – единственный путь и условие преодоления возникших трудностей идентификации и их последствий, а значит и преодоления антропологического кризиса. Метафизическому решению данной задачи нет альтернатив. Практическое же решение состоит в *отыскании общего всем членам мирового сообщества сокровенного, и конвертации его в новые способы, формы и институты глобальной и локальной общественной жизни, необходимость которых сегодня назрела*.

Мы являемся свидетелями того, что чем больше человек в своей внутренней жизни стремится отгородиться от бытия (от других людей и природы) своими внешними цивилизационными достижениями, тем более глубокой становится их взаимная диффузия и взаимозависимость. Точка их взаимоудаления, зафиксированная в XVIII веке Ж.-Ж.Руссо, - пройдена. Маятник движется назад, и тем активней, чем значительней наша деятельность. Предприниматель Аурелио Печчеи, уяснивший, что решение проблем человечества упирается в «революцию в самом человеке», философы Мишель Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» (1961) указавший, что XIX век знаменует собой начало безумия как массового явления (а сегодня тезис о массовых психических отклонениях стал обыденным), и Герберт Маркузе в «Эросе и цивилизации» (1956) отметивший, что человечество движется к освобождению инстинктов, - по существу зафиксировали, что внешние, явные порядки человеческого бытия не изолированы от скрытых в человеке. Потому развитие первых неизбежно ведет к углублению во вторые, к возврату к человеческим истокам. Упомянутый Гийом Фай в своей книге «Археофутуризм» (1998г.) утверждает, что сотрясение цивилизации в результате «конвергенции катастроф» может быть подчинено только в том случае, если мы сможем возвратиться к нашим корням, видоизменить их и спроецировать в будущее. Это действительно так, но при условии, если не идеологизируются сами «наши корни» и вся ситуация не мифологизируется в геноновском духе, впадая в самообман и фундаментальный консерватизм.

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Итак, сегодня требуется более широкий и глубокий взгляда на сущность человека. Уже и наука, не говоря о религиозных и эзотерических традициях, наталкивает на вывод, что человек есть место пересечения мировых стихий, в развитии которого лишь на последнем этапе, через слияние женской и мужской половых клеток мироздание завершает свое самокодирование в виде человеческого генотипа. Как гениально догадывался еще Н.Кузанский, «оставаясь человечески конкретным, единство человечности явно свертывает в себе сообразно природе своей определенности все в мире. Сила ее единства все охватывает, все замыкает в пределах своей области, и ничто в мире не избегает ее потенции». Иначе говоря, «человек есть бог, только не абсолютно, раз он человек; он человеческий бог. Человк есть также мир, но не конкретно все вещи, раз он человек; он – микрокосм, или человеческий мир», «в человечности человеческим образом, как во Вселенной универсальным образом, развернуто все, раз она есть человеческий мир. В ней же человеческим образом и свернуто все, раз она есть человеческий бог» [22]. В человеке, определившемся как код универсума, одновременно происходит и обратный процесс - определяемое вначале специфическими условиями материнского организма, а затем особенностями природных и социальных условий проживания - его декодирование, порождающее развитие данного конкретного человека в его особую, индивидуальную, но и адаптированную к местной среде жизнь. И хотя местная среда определяет форму декодирования, но содержание его задается кодом мироздания в человеке. Как говорит Кузанский по этому случаю, человек «не выходит за свои пределы когда творит, но, развертывая свою силу,

достигает самого себя; и он не производит чего-то нового, но обнаруживает, что все творимое им при развертывании уже было в нем самом» [22]. К этим замечательным словам Н.Кузанского следует лишь добавить, что *новые* исторические условия находят отклик в *новых* глубинах человеческой самости и наоборот.

Сегодня данная спекулятивная картина все более наполняется конкретным содержанием. Например, может считаться установленным факт связи присущего только человеку абстрактного мышления с т.н. альфа-ритмами мозга человека, которые, как теоретически обосновал и экспериментально подтвердил еще в 1952 г. В.О.Шуман, в свою очередь связаны с естественными электромагнитными резонансными колебаниями системы «Земля-ионосфера». Грей Уолтер в 1953 г. предположил, что «чувствительность мозга к электрическим воздействиям могла бы обеспечить связь с некоторым началом, пронизывающим все вокруг нас». Косвенным свидетельством в пользу такого допущения может служить обоснованный на сегодня вывод о том, что характер альфа-ритма является врожденным и вероятно наследственным и, стало быть, есть проявление более универсальной космической ритмики. Учитывая, что это лишь одна – электромагнитная – линия связи человека с миром, не исчерпывающая иные, но менее пока исследованные и разноуровневые возможные, можно утверждать, что *самость человека является инверсией порядков его необъятного внешнего бытия и сама разворачивается в виде специфических, качественно иных порядков - человеческой культуры*. А сам человек есть соединяющая их *точка инверсии*, которая всегда находится *внутри* Бытия как связующее звено человеческого макро- и микромира. Из этой точки человек разворачивается в процессе рождения и в нее же он стягивается по завершении своей земной жизни. Человек возникает как кодирование всей истории планеты и ее органического мира в его генотипе и зародыше, а вся его жизнь есть декодирование себя в деятельности и культуре. Единство процессов кодирования и декодирования имеет место не только в человеке, а и применительно к любой форме бытия. Это позволяет сделать фундаментальное обобщение: *качественное разнообразие Бытия, как и его единство, не могут быть утрачены*.

Социальный мир, который все больше выходит из-под контроля и «ускользает из рук», прямо указывает, что человек, влияя на мир, всегда укоренен в нем и этому нет альтернативы: он – *всегда* внутри Бытия как дитя в лоне матери. Но в отличие от материнской утробы, которую он покидает в результате акта рождения, утроба Бытия является для него вечной и он остается в ней навсегда, меняя лишь формы и позиции своего пребывания в ней. Поэтому он должен исходить как из вечного факта, из того, что *он всегда существует не «сам по себе», а в единстве с обстоятельствами бытия*. Чем масштабней и напористей развитие глобального сообщества вскрывает уходящие в бесконечность возможности человека, тем очевидней становится глубокая и органичная связь каждого из нас друг с другом и с мирозданием, тем загадочней (но и ближе к разгадке) предстает уникальность каждого.

После своего рождения, фиксируемого соответствующим медицинским свидетельством, человек продолжает рождаться всю свою жизнь, о чем правильно сказал Э.Фромм. Но и после своей смерти - об этом Фромм не сказал - человек, хотя и регистрируется как умерший, остается в бытии, ибо ничего в бытии не может быть утрачено, иначе оно бы мгновенно исчерпало себя в своих смертных формах и стало бы однородной, бескачественной массой, не имеющей даже и свойства массы, т.е. превратилось бы в Пустоту-не-Бытие. Бытие – субстанция, человек как одна из форм ее проявления - всегда присутствует в ней, если не актуально, то виртуально, если не в действительности, то в возможности. Поэтому проблема, достойная называться *главной проблемой метафизики*, состоит не в оплакивании бессмысленности человеческой жизни или в возвеличивании его смерти (примеры последнего можно найти в статье [23]), а в том, чтобы научиться видеть относительное в абсолютном и наоборот, *установить универсальный механизм связи редукций онтических форм к онтологической субстанции и обратного порождения их из нее в иных формах*.

Вечность бытия есть вечная возможность и действительность его форм, в том числе разновоспроизводимость и трансформации одних и тех же, потому что все в единой субстанции бытия - одно и то же, ибо все связано инверсионными отношениями кодирования и декодирования. И каждый человек, в этом смысле, вечен. Необходимо лишь научиться управлять онтико-онтологической природой бытия и человека. Когда Э.Фромм замечает, что «трагическая участь большинства людей – умереть, не успев родиться» [18, с.13], то он увлекается фразой, а не существом вопроса. Человек всегда рождается и умирает в той мере, в какой сублимирует свои свойства из бытия и, в то же время, опредмечивает их в среде, а его смерть есть переход его актуального состояния в виртуальное, скрыто существовавшее и раньше, равно как должна при этом происходить и актуализация тех или иных прежних виртуальных сторон в виде некоей новой жизни. Почему бы не считать, что старец, умудренный прожитой жизнью и накопленным опытом, может рассматриваться как синоним отнюдь не только физической беспомощности и болезней, а и вызревших мощных духовных потенций, не умещающихся в узкие рамки суетливой жизни социума, и его угасание и смерть есть, на самом деле, только уход из бытия человеческого муравейника в ландшафт более широкой жизни и обретения новой формы его осуществления. Как говорил Мигель де Унамуно, «разве не является вечное видение Бога вечной смертью, уничтожением личности?», а культ мертвых разве не есть культ бессмертия? Вопрос, который на самом деле подлежит анализу, состоит в том, *сохраняется ли в этих метаморфозах идентичность каждого из нас и если да, то в чем ее природа и как сознательно руководствоваться ею?* Прав ли Мигель, утверждая, что «сладостный, упоительный, бесшумный полет» к Богу во время последней молитвы – это полет, «при котором я не утрачиваю самосознания, сознаю себя отличным от Бога, с которым я соединяюсь» [24, с.58, 215, 216] (*курсив – К.В.*). Достигали ли цели даосы, буддийские мудрецы и мистики, овладевшие техникой глубокой медитации и откровения, истинного решения задачи соединения бытия как *Всеединства* со своей *индивидуальной* жизнью, или это решение всегда оставалось лишь

видимостью, которая исчезала вместе с их телесной смертью? Истинное решение проблемы идентичности человека – в ответе на *эти* вопросы.

Их практическое метафизическое значение связано с тем, что смысл каждой ступени моего личного бытия, как и бытия каждого человека, неотрывен от смысла бытия, поскольку каждый – его часть, и только с этих высот я и другой способны адекватно увидеть реальную картину своей текущей жизни и жизни своего времени. Чтобы знать человека, надо знать Вселенную, равно как и познание себя есть познание ее. Это тем более важно, если она, как сегодня, тотально отчуждена от человека, представляется абсурдом, тупиком, из которого нет иного выхода, чем радикальный отказ от нее в разных формах самоубийства или безумия. Тупиком не только далеким (связанным, например, с угасанием Солнца), а и почти повседневным, потому что именно хрупкость и бессмысленность индивидуальной жизни сегодня порождает очередной всплеск голода человека по бессмертию и обостряет трагическое чувство, о котором говорил Мигель. В действительности настоящее трагическое чувство связано не с неизбежностью смерти, а с тем, что мы пока что *не умеем придавать своему бессмертию нужную нам форму*. Не можем, освободившись от гео- и гелиоцентризма своего бытия, ощущать родство не только с ландшафтами, горами, деревьями и животными, а и с космическим вакуумом, темной материей и универсумом. Мы пребываем еще в подготовительном классе земной школы, как первобытные люди, считающие, что за пределами нашего земного племени больше ничего нет, в то время, как настоящая жизнь состоит в том, чтобы за порогом бездны открыть мир, частью которого мы также являемся и который таит неограниченные возможности для решения и наших местных задач, беспокоящих нас прежде всего.

Наивными являются сегодня наши представления о самих себе. Анахронизмом является расчленение меня в разнодисциплинарных антропологиях и классификациях, типа: «человек преобразующий», «человек эстетический», «человек политический», «человек религиозный», «человек сексуальный» и т.д. или по другим основаниям, все еще с серьезным видом предлагаемых на страницах пустых книг (можно без конца плодить «человеков», например используя древних, говорить о «человеке аскетическом», «человеке эвдемоническом», «человеке стоическом» и далее до «человека компьютерно-виртуального» и до бесконечности). С другой стороны, столь же бесплодно теоретическое растворение человека в религиозных и философских абсолютах. Все эти, веками создававшиеся строительные леса вокруг загадочной сущности человека, еще в начале XX в. стали китайской грамотой и, одновременно, китайской стеной между человеком и бытием, против которой периодически восстает живая философская и научная мысль. Нужно прорваться через наговоренное и написанное к *первозданной человеческой природе*, своей природе, прочувствовать ее и разобраться в ней *как таковой*, чтобы сохранять жизненные балансы «в себе-находящемся-в-мире», потому что я и мир – одно, хотя и не одно и то же.

Этот процесс стихийно уже идет. Ведь, по мере роста антропогенного давления на природу и инновационной активности человека, в центре дисбалансов все больше оказывается сам человек, открывая в себе не только социальное, природное,

а и космическое начала. С другой стороны, пребывая на пересечении насыщенных информационных потоков и накопленного опыта, в том числе античеловечного, он имеет все больше возможностей проникать в свою природу и более адекватно реагировать на происходящее. Поскольку наша жизнь существенно меняется, о человеке надо знать иное, новое. У масс людей нарастает мироощущение своей органической включенности в глобальные катаклизмы, формируется новое ощущение бытия как *метаморфической тотальности*, частью которой является человек. В то же время, самоуглубляясь, человек и самоизолируется. Это ощущение выводит на новое мировоззренческое понимание равноценности целого и частей в их взаимной определяемости и динамичности как единого процесса *тоталогенеза*. Сегодня данный процесс обременен отживающими традициями и потому хаотичен. В своей включенности в жизнь я все больше атомизируюсь, моя жизнь, не по моей вине, все более истончается, зависит от частных и деталей, напоминает игру, даже когда висит на волоске. Она смещается в область экстремальности, рисков и ответственных решений, но сами представления о рисках и опасностях теряют остроту и притупляются, поскольку нивелируются разрастанием сферы принудительной законопослушности, дрейфом естественного жизненного потока в сторону извращенной тотальной *системы*, безысходным узником которой я, как и миллиарды людей, все более становлюсь. Это – не жесткая репрессивная система тоталитарных режимов XX века, это паутина, которая подобно паутине паука, улавливающей неосторожных насекомых, обволакивает человека непрерывно дифференцирующимися законодательными нормами, уточняющимися кодексами, накапливаемыми досье, идентификационными кодами и повсеместно приспособляемыми камерами наблюдения. Сегодня господствует тот, кто манипулирует этой паутиной, сам будучи неподвластен ей. Противоречие в том, что, хотя исторический период расцвета тоталитарных систем миновал в XX веке и выработал определенный антитоталитарный иммунитет, в сегодняшнем внешнем рыночном хаосе-свободе имеет место *ощущаемый повсеместно* дефицит *личной* свободы, обусловленный пределами, заданными *отнюдь не произвольными, а управляемыми порядками* данного хаоса, которые все более ужесточаются. Но повсеместное недовольство разнородных субъектов социума - взрывоопасно!

К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Не только люди, а и государства все больше утрачивают способность быть реальными субъектами своей жизни, процесс унификации уже приобрел глобальный характер. Вместе с этим новое решение проблемы идентификации становится чреватым возвратом к полному контролю над каждым субъектом с помощью разного рода ультимативных требований, замораживания счетов в банках, введения экономических и прочих штрафных санкций по отношению к целым странам, воздействия на них с помощью местных агентов влияния и т.п. Такая принудительная ориентация стран второго и третьего эшелона на т.н. развитые, «цивилизованные», а на самом деле идущие в тупиковом направлении государства и их союзы, все больше схожа с «выбором» пути на кладбище.

Несомненно, что решение данной проблемы грядет, поскольку человечество все же выходит из маркузевского состояния одномерности и сегодня поползновения

воспроизвести господство новой, на этот раз мировой элиты, вряд ли увенчается успехом. Сегодня подобные попытки начинают пожирать себя и своих инициаторов, развиваются предпосылки грядущих решающих событий. Но для завершения опыта этих попыток скорей всего потребуется пройти через глобальные испытания. В мире зреет подсознательная и повсеместная тяга к разрушению удушающих рамок, причем *любой ценой*, даже ценой переоформления своих идентичностей и событий, уносящих жизни тысяч людей. Это свидетельствует о высоком напряжении и драматизме ситуации, жертвующей своими частичными формами ради сохранения себя как целого. Процесс становится все менее управляемым, в нем все отчетливее проявляются общие закономерности организмического саморегулирования, в которых человек является уже не субъектом, а простым средством происходящего.

Различие обнажившихся перед всем миром экономических, военных, сырьевых, культурных, религиозных потенциалов наполняет события энергией разного качества, глубин и масштабов, которая то там, то здесь разряжается многообразными проявлениями подобно стихийным извержениям вулканов. Традиционные социальные и профсоюзные выступления дополняются антисоциальными формами активности, от относительно безобидных до действий мировой террористической сети. Порождающая протесты населения по всему миру повсеместная коррупция властей и чиновничий произвол, нарастание противостояния богатых, но дряхлеющих, и бедных, но полнокровных в своем первозданном активизме стран и рост поляризации в самих богатых странах, распространение пассивных формы протеста против *всего* строя жизни (нравственный нигилизм, наркомания, алкоголизм, частично антиглобалистские выступления), внешне безобидная погоня молодых людей за «приколами» и искусственным «экстримом», – все эти разнородные феномены объединены в единое спонтанное, пока еще разрозненное и аморфное противостояние растущей несвободе и одновременно служат эмпирическими поисками новых способов общения и жизни.

При всех своих порой уродливых формах они ведут к выработке иных отношений периферий и центров, локального и глобального в мировом общежитии. В болезненных конфликтах, противоречиях, вооруженных вторжениях на территории формально суверенных государств и противодействиях им меняющиеся способы жизни будут корректироваться, пока не достигнут состояния глобального соответствия друг другу. Эта непростая и во многом опасная тенденция, которую предвидел Н.Ф.Федоров, говоря, что «нужно жить *не для себя и не для других, а со всеми и для всех*» [25, с.398-401], уже осознается, но пока что в сглаженном и полуутопическом виде. Как зафиксировано в основополагающем документе одной из почтенных политических организаций, «становится очевидным, что мечта о единой семье всех народов перестала быть утопией, но все более становится практической необходимостью» (Из Декларации принципов Социалистического Интернационала, 1989 г.). Эта благостная «единая семья всех народов» сегодня формируется варварским образом и не совсем в том виде, в каком это видится авторам Декларации. Стихийный же поиск действительно желаемой

институциональной общности разнообразия осуществляется глубже, на основе интуитивного понимания глубинного единства всех: «Ты бы не искал Меня, если бы Я не был в Тебе» (Б.Паскаль). Драма в том, что этот новый, гуманистический смысл и связанные с ним поиски натываются на пока что господствующий иной, порочный смысл – беспощадную борьбу за капиталы и неограниченную власть, которая подчиняет все другие смыслы. По мере приближения к красной черте, когда массам людей в Европе, а особенно азиатского, латиноамериканского и африканского регионов терять в этой борьбе уже будет нечего, начнется очередная, на этот раз глобальная эра пассионариев и практического, т.е. институционального рождения новых смыслов и нового мира. Пущенный на самотек этот процесс может показать человечеству картины, сходные с откровениями ап.Иоанна Богослова. Задача в том, чтобы, если не удастся уйти от таких картин, максимально снизить их разрушительный характер. Это требует уже сегодня радикального *упреждающего поворота* в смыслах человеческого бытия и именно из этой потребности и появятся современные пассионарии. Речь идет о смыслах и идентификациях новой глубины, способной стать единой основой бесконечно разнообразного современного глобального мира.

Вопрос о взаимном понимании, справедливости, соответствии интересов и мирных путях достижения нового образа глобальной жизни все более становится вопросом о новой *разумности*, об иных ее смыслах и о сохранении человеком своей *человеческой* идентичности во всех ее испытаниях. Движение в этом направлении нарастает, поскольку отношения людей уже не просто не исчерпываются фундаментальной сферой производства (это было и раньше), они выходят за ее пределы неумолимо и необратимо, поскольку расширяются *на ее же основе*, становясь ее частью и одновременно поглощая ее. Потому кризис узких идеалов потребительства приобретает тотальный характер и неизбежно ведет к их смене. Чем более изощренно реализуется погоня за прибылью, тем более она пронизывает всю жизнь, затрагивает глубинные струны человеческой природы каждого участника процесса. Сегодня эксплуатируются не отдельные трудовые функции, а весь человек, его сущность объективируется во вне, а внешняя его жизнь становится также и внутренней. Возникает и усиливается противоречие между традиционными экономическими интересами разных социальных групп и классов и необходимостью мирного социального общежития, стороны которого все больше втягиваются в сферу экономических интересов. Усугубление данного противоречия будет неизбежно порождать все новые формы его разрешения, двигаясь от частных и паллиативных к более общим и радикальным.

Необычные, но пока лишь внешние тенденции в этом направлении мы наблюдаем уже сегодня. Взор человека все больше оборачивается на самого себя как на целостность, ищущую адекватное место среди других таких же в условиях взаимного толерантного сосуществования. Своеобразным проявлением ухода от внешних социальных коллизий и властно-репрессивных отношений является пробуждение пристального внимания человека к собственной телесности и своим личным социопсихологическим особенностям. Внимание, ориентированное *на себя*, а не на противостояние другим, – то, что если и не объединяет людей, то и не несет

прямой конфронтации. В этом случае духовная жизнь становится более интровертной, дух, лишенный устойчивых внешних начал, подчиняется телу как единственно надежной реальности и воздвигает его на пьедестал. Но экстравертная функция не может быть утрачена в обществе. Поэтому возникает и обратная тенденция, хотя и в специфическом виде – *тело* начинает обретать черты экстравертности в форме публичности, духовная экстравертность уступает место телесной. После метафизического анализа, предпринятого М.Мерло-Понти, тело сегодня стало объектом *практического* манипулирования как предмет искусства, объект гипертрофированного приложения косметических средств, непрерывного лечения и средство наживы, например в профессиональном спорте и как живой товар для сексуального рабства и источник донорских органов. Предметом публичных обсуждений и внимания становятся загадки родовых и генетических патологий, половой идентификации («андрогины и бисексуалы – прошлое или будущее?») - задает вопрос один из авторов [26]). Всерьез обсуждаются и принимаются парламентами законы о признании или непризнании противоестественных однополых браков, привычными явлениями стали педофилия, порнография. Ведутся дебаты о целесообразности и последствиях клонирования человека, двусмысленной роли суррогатных матерей. Характер эпидемии приобрели увлечения пластическими операциями и операциями по увеличению роста. Внешность во многих случаях становится идеей фикс, участие во всякого рода кастингах, шоу, конкурсах красоты, стремление стать артистом, эстрадной «звездой», манекенщицей завершают эту апологию тела.

Обратной ее стороной, не отрицающей ее сути, является недовольство формой человеческой телесности. Раздается радикальная критика самой протеиновой основы человеческого организма как порочного дефекта природы человека, и доказывается необходимость изменения субстрата человека на базе неорганических информационно-материальных материалов и нанотехнологий. Способность манипулировать отдельными атомами создает новые возможности для генной инженерии, изменения отдельных органов человека и влияний на его мозг. Мозг сам по себе стал объектом повышенного внимания как центр сосредоточения и функционирования информации и регуляторных действий, в связи с чем будируется казалась бы оставшаяся в прошлом (в связи с попытками создания искусственного интеллекта) мысль о целесообразности редукции тела к мозгу. Как говорит Ж.Бодрийар: «человеческое тело, наше тело кажется излишним в своей распростертости, в сложности и множественности своих органов, тканей и функций, потому что сегодня все концентрируется в мозге и генетическом коде, которые целиком исчерпывают операциональное определение бытия» [27, с.66-67]. Возрождаются и старые опасения по поводу возможных негативных результатов, поскольку мозг без тела (по Патнэму «мозг в бочке») – это нечто иное, чем человек.

Возможно, повышенное внимание к телесности, доходящее порой до абсурда демонстраций по телевидению картин самоистязания и антисоциального физиологического поведения, есть необходимый этап на пути к сущности человека. Самостоятельное место в этом движении занимает тема медицины и гуманизма. Именно в медицине обнаруживается самым непосредственным образом не просто

ускользаемость мира, а ускользаемость, влияющая на нас и нашу личную жизнь через наше здоровье и болезни, в том числе фатальные. Делание денег на лекарствах и опытах над пациентами не поддается адекватному контролю и стало неуправляемым процессом. Психика и тело современного человека часто оказываются заложниками некомпетентности и коррупции врачей, их неподсудных т.н. «врачебных ошибок», навязывания ненужных или вредных пациенту лекарств, которые, в свою очередь, могут оказаться подделкой. Каждый сегодня - потенциальная жертва медицинских преступлений, о которых говорят все чаще, особенно применительно к пожилым и одиноким людям. Ситуация усугубляется тем, что внедряются новые лекарства, химические препараты, продукты и способы питания, долгосрочные последствия применения которых не могут быть сегодня предвидены. «Исправление» генных структур тех или иных продуктов или самого человека с благими целями может, как сегодня уже доказано, «включать» активность новых генетических звеньев побочным образом в неожиданных условиях и в непредвиденных функциях и вести к осложнениям вплоть до летальных исходов индивидов или даже вымирания целого вида. Генетически модифицированные продукты питания могут сказываться на потомках. Поэтому на уровне бытового сознания все более широкий характер приобретают заботы о здоровье, связанные с заменой естественных продуктов, к которым приспособлен организм от рождения, опасными для здоровья концентратами, в которых отсутствие естественного вкуса, цвета и запаха компенсируется биодобавками, часто опасными самих по себе, не говоря о широкой прямой подмене продуктов питания фальсификатами, несущими прямую угрозу жизни человека. Наконец, имеющая место принципиальная возможность использования генной инженерии в разработке изоциренных средств биологического оружия, способных избирательно влиять на те или иные группы населения, заранее выбранные в качестве объектов агрессивного воздействия по совершенно разным признакам (по расовому, по цвету глаз, по полу, этническим особенностям и т.д.), прямо соединяет вопрос о сущности человека с вопросом о социальных и природных условиях его жизни.

КОНЦЕПТ СИЗИГИЙНОЙ ДУАЛЬНОСТИ

Каким может быть ответ на обозначенные вопросы? С внешней стороны тема полноценности моей жизни выводит меня на социальные проблемы, на вопросы оптимального *для каждого человека* устройства общественной жизни и справедливого глобального порядка. Это настраивает меня на развитие социальной активности и, одновременно, своей самодостаточности и устойчивого самоопределения в новых социальных порядках. С внутренней стороны, - усиливается мой интерес к собственным возможностям и способностям противостоять неблагоприятным обстоятельствам и бессмысленности беличьего вращения в неустойчивом мире. Это создает предпосылки поиска новых жизненных горизонтов, смыслов и нового способа жизни, опирающегося на мои более глубокие, прежде скрытые возможности. Данная тенденция приходит, однако, в противоречие и столкновение с бестолковостью и бессмысленностью текущей жизни, которая строится на поклонении власти и деньгам как идолам, а столпами ее являются современные варвары, вся жизнь которых сводится к коррупции во власти

и противостоянию любым попыткам внести разум, честность, честь и порядочность в происходящее. Огромные средства, находящиеся сегодня в тени мировой экономики, говорят о том, что варвары правят миром. Противоречие будет обостряться.

Тенденция не только праздного любопытства, а и роста заинтересованного внимания к неиспользованному потенциалу человека сегодня налицо. В том числе и со стороны варваров. Это их и погубит. Начиная с гуманистической психологии Абрахама Маслоу, ориентирующей на реализацию потребности человека в самоактуализации, обострилось любопытство по поводу необычных способностей человека. К традиционным моделям рационального и нормативно-ориентированного действия стремятся добавить третью модель, отражающую креативный характер человеческой активности и рассматривающую действия человека, как связанные с интенциональностью, индивидуальной автономией действующего субъекта и инструментализацией тела [28]. Разрабатывается использование скрытых свойств психики для создания новых индустриальных, учебных и управленческих *пост*информационных технологий [29]. Разрабатываются способы мышления, отличные от логического, характерные нестандартностью и, в то же время, эффективностью [30], [31]. Особый интерес вызывает сфера человеческого сознания и ее необычайные возможности [32].

В обществе получило распространение и стало модным упоминавшееся представление об обладающих необычными качествами «детях-индиго», а в военных и разведывательных ведомствах некоторых стран, начиная с середины XX в. тратятся значительные средства на разработку методов «парафизического» (бесконтактного, не зависящего от расстояния) воздействия человека на среду и считывания информации. Изучение человека перешло с внешних, описанных еще основателями психологии, проявлений психики на архетипический и трансперсональный уровни, включая «дочеловеческие» (перинатальные) состояния. Предпринимаются попытки всерьез говорить о дородовых способах бытования человека и связанной с этим его памяти, усиливается интерес к генетическим проблемам морфогенеза человека, исторического становления и динамики полов. Но все это разрозненные предпосылки нового качества, а не само новое качество. Существует ли подход к человеку, который бы позволил увязать все эти интенции на единой концептуальной основе, уяснить практический, реально работающий механизм новой, *универсальной идентификации* человека и рассмотреть указанные проблемы с позиций новой продуктивной методологии их решения? Это возможно на базе сизигийной антропологии [1], метафизического анализа социума как формы бытия [33], тоталлогии [34] и лежащих в их основе принципов.

В общем случае можно сказать, что сизигийная антропология есть *мета*-антропология, утверждающая, что истинное учение о человеке не может быть ни субъективистски-онтическим, ни объективистски-онтологическим, поскольку человек не является только субъектом, или только объектом. Он не есть и локализованная в пространстве и времени, изолированная точка, как и растворенная в среде, абсолютно открытая бытию его часть, лишенная индивидуально-исторического своеобразия. Исходить следует из того, что природа человека

состоит в его *онтико-онтологической, дуальности*, особой целостности, означающей, что онтическое локальное бытие человека всегда органически связано с рассредоточенной онтологической средой, в конечном итоге, с универсумом. Этим фиксируется достаточно очевидное для любого человека обстоятельство, состоящее в том, что без постоянного обмена с внешними условиями разного рода потоками (субстратными, энергетическими, информационными) и соблюдения сизигийного соответствия между ними (от греч. *Syzygia* – парное соответствие, взаимосогласованность) жизнедеятельность человека невозможна. Пока эти потоки пребывают в сизигийном отношении, человек живет и сохраняет ту или иную форму своей идентичности. Нарушение сизигийности ведет к изменению человеческого бытия, переходу человека к новому сизигийному этапу своего жизненного пути, с новой онтико-онтологической дуальностью и новыми информационными, энергетическими и субстратными параметрами. Такой процесс продолжается до радикального метаморфоза, называемого смертью человека. Сущность смерти и возможность сохранения в ней идентичности человека на новой субстратной, энергетической и информационной основе, остается пока непроясненной. Но анализ с онтико-онтологических позиций традиционно понимаемой жизни человека позволяет вплотную подойти и к познанию трансформаций «жизнь-смерть» и ставить вопрос о возможности сохранения идентичности человека (продления жизни человека в качественно иной субстратной и информационно-энергетической форме) и в этом случае, а также о самом изменении представлений о смерти.

Задачей сизигийной антропологии является детальный анализ сущности и структуры онтико-онтологической природы человека, ее сизигийности и механизмов сизигийных преобразований. В этом случае знание о человеке не редуцируется к совокупности дисциплинарных представлений (как сегодня любят говорить «прекций») о нем – физико-химических, физиологических, генетических, правовых, социологических, демографических и других, - за которыми якобы больше ничего нет. Сизигийная целостность человека позволяет этим дисциплинарным перспективам и проекциям *быть*, но ни поодиночке, ни все вместе они не исчерпывают этой целостности, поскольку сохранение целостности человека в данном случае не предполагает субстратной (телесной) неизменности человека. Дороги, ведущие к храму человеческого бытия, многочисленны, но это еще не сам храм в его целостности. Каждый исследователь, идущий по своему пути, находит отдельный вход в этот храм и видит со своей точки перспективы особую архитектуру внешнего поведения человека (один биологическую, другой социальную, третий экономическую, четвертый педагогическую, пятый игровую, шестой сексуальную и т.д.), а внутри - особый интерьер и особые морфологии, в виде физических, химико-физиологических, и прочих отношений. Каждый может всю жизнь изучать только одну ипостась храма, строить свою систему понятий о нем и о его строении, т.е. *свою модель* человека, не мешая в этом тем, кто нашел другой вход и увидел другую реальность, а на самом деле другую модель общей им реальности. Все эти срезы реально существуют, но как бы в параллельных измерениях, а истинная проблема человека состоит в том, чтобы увидеть за ними

нечто единое, инвариантное им всем. Плюрализм путей к храму не означает отсутствия самого храма, а идущий по пути к нему изучает не столько человека, сколько этот самый путь к нему. Для постижения храма как целого нужен дополнительный взгляд. Иначе храм под названием «человек» всегда будет загадкой «х» («икс»), требующей разрешения. Этим взглядом является взгляд сизигийный. Инвариантом, сохраняющим идентичность человека при всех его метаморфозах, является всегда присутствующее сизигийное онтико-онтологическое субстратно-энергетически-информационное соответствие компонентов человека.

В реальном человеке все позиционные планы-модели сизигийным образом совмещаются друг с другом, согласуясь между собой при кажущейся взаимной независимости и постоянно меняющейся жизни каждого. Это совмещение происходит на той или иной единой субстанциальной основе, в понимании вида которой как раз и заключена главная проблема в каждом отдельном случае. Человек с момента своего зачатия в своей онтологии является особой субстанцией, соединяющей все возможности своего будущего онтического бытия. Но, с другой стороны, только онтические реализации одной из этих возможностей и ее последующее развертывание в разных условиях по-разному действительно делает его человеком. Онтологии вне своих онтических форм и их трансформаций не существуют. *Они всегда неразрывны.* Если онтика человека создается спецификой сочетания его разных планов то его онтология есть то, что объединяет их в их качественных особенностях, как разные формы своего, *одного и того же*, проявления, т.е. *как тождественных*. Вопросы о том, как онтологическое тождество порождает онтическое разнообразие, или какое за онтическим разнообразием скрывается онтологическое тождество, в общем случае: *какая существует закономерность между онтологической субстанцией и соответствующими ей онтическими формами ее проявления* – эти вопросы являются **главными проблемами сизигийности**.

Мы разберемся в этой ситуации только тогда, когда научимся видеть в ней не только неограниченные возможности все новых человеческих порождений или пути разного понимания человека, а и те конкретные пути, о которых мы еще не знаем, но которые как возможности присутствуют в субстанции человеческого бытия, и которые время от времени дают о себе знать в появлении всевозможных человеческих аномалий – уродств, нежизнеспособных форм, либо, с другой стороны – в необычных чувственных, эмоциональных и умственных способностях отдельных людей. Мы сможем считать, что познали человека лишь тогда, когда по одной его заданной «проекции» сможем предсказать характер серии других одновременно имеющихся проекций, реально проявляющихся в той или иной ситуации, и, более того, увидеть возможности, которые никогда не проявлялись в наших земных условиях. Подобно тому, как в переиначенной притче о слоне и семи слепых мудрецах, даже слепой, зная что такое слон, коснувшись его ноги, мог бы сказать какими по размерам, пропорциям и другим особенностям являются не только части тела, которых коснулись другие мудрецы, а и *другие* части, которых никто не касался. Иначе говоря, понимание природы человеческой онтико-онтологической дуальности есть дорога к учению, способному в пределе согласовать *все без*

исключения вопросы, касающиеся человеческого бытия. Антропология превращается, в этом случае, в метафизику двуединого процесса разнообразных индивидуализаций разноуровневых субстанциальных человеческих начал и субстанциализации разнотипных индивидуальных проявлений человека в них.

Главным предметом сизигийной антропологии предстает двуединая онто-онтологическая природа человека. В ней присутствует многовариантность любого состояния нашей жизни, динамика которой ведет нас в иные субстанциальные глубины нашей самости и безличности. Через ее анализ возможно проникновение в механизмы и пути избирательной трансформации (актуализации) любых состояний в те или иные человеческие действия и поступки, как и в обратный процесс деактуализации отживших форм жизнедеятельности, требующих обновления. Вся жизнедеятельность человека может рассматриваться как смена жизненных ситуаций, которая имеет свои закономерности. Использование этих закономерностей в качестве оптимальных правил и средств разумной деятельности, можно будет рассматривать как открытие новой, *сизигийной рациональности*, наиболее адекватной жизнедеятельности человека как истинного субъекта своего бытия.

Список литературы

1. Кизима В.В. Метафизические начала сизигийной антропологии // Totallogy-XXI (четырнадцатый выпуск). Постнекласичні дослідження. – Київ: ЦІО НАН України. – 2006. – с.7-153.
2. Печчи А. Человеческие качества. – М.: Изд-во «Прогресс». 1985. – 312с.
3. Тоффлер А. Футуришок. – СПб.: Лань, 1977. – 464с.
4. Рефлексивные процессы и управление. №1, январь-июнь, 2003. Том 3.- Издательство „Институт психологии РАН”. – 128с.
5. Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1999. – 204с.
6. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120с.
7. Социальная стратификация российского общества. - М.: "Летний сад", 2003 - 365с.
8. Вопросы философии, 2007. №1, с.3-19
9. Засурский Я.П. Информационное общество сегодня и завтра // Информационное общество, 2001, №3.
10. Л.Нагорна. „Війни ідентичностей”: сценарії і ризики //Політичний менеджмент. Український науковий журнал. №2 (23), 2007. с.47-54.
11. Ян Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис. – 2000. - №1.
12. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: «REFL-book”, 1994. – 368с.
13. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784с.
14. Щербина М.М. Міфологічні елементи в культурних формах повсякденності. Автореферат кандидатської дисертації. – Харків, 2006.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368с.
16. Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія.- К.: Лібра, 1999. – 488с.
17. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем. – Вопросы философии, 2004, №2, с.16-28.
18. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1994. - 288с.
19. Герцен А.И. К старому товарищу // Собрание сочинений: В 30 т. М., 1960. Т. 20(2). С.590.
20. Назаретян А.П. Синергетическая модель антропогенных кризисов: к количественной верификации гипотезы технико-гуманитарного баланса // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 535с.

21. Назаретян А.П. Ното прае-срismus – синдром Предкризисного человека // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция. 2003. – 584с.
22. Николай Кузанский. Сочинения: в 2 т. М., 1979. Т.1. с.258-261.
23. В.В.Варава. Метафизика смерти: опыт «апофатической рациональности» - Вопросы философии, 2005, №12. с.77-93.
24. Унамуну Мигель де. О трагическом чувстве жизни. К.: Символ. 1996. – 416с.
25. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Т.1 //Сочинения. М., 1982.
26. Жаров Л.В. «Третий» пол? // Человек. 2005, №3, с.130-136.
27. Эпштейн М. Тело на перекрестке времен. К философии осязания.// Вопросы философии. 2005, №8. – с.66-81.
28. Йонас Ханс. Креативность действия/ пер. с нем. – СПб.: Алетейя. 2005. – 320с.
29. Бахтияров О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику. – К.: «ОКСИР», 1997. 160с.
30. Боно Эдвард де. Латеральное мышление. СПб: Питер Наблининг, 1997. – 320с.
31. Пивоварова О.В. Латеральне мислення та методи його розвитку // Totalloge-XXI (чотирнадцятий випуск). Постнекласичні дослідження. – Київ: ЦГО НАН України. – 2006. с.216-229).
32. Гроф С. Холотронное сознание: Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь/ пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ» и др. 2003. – 267с.
33. Кизима В.В. Социум и Бытие. – К.: Издатель ПАРАПААН. 2007. – 204с.
34. Кизима В.В. Тоталогия (философия обновления). - К.: Издатель ПАРАПААН. 2005. – 272с.

Кизима В.В. Проблема ідентифікації людини як симптом цивілізаційної кризи й шляхи виходу з нього

Дана стаття присвячена опису основних рис і сутності антропологічної кризи сучасної цивілізації. У дослідженні розробляється стратегія виходу із кризового стану засобами сизигійної антропології.

Ключові слова: людина, цивілізаційна криза, сизигійна антропологія.

Kizima V.V. Problem of identification of the person as a symptom of civilization's crisis and ways of an exit from it

Given article is devoted the description of the basic lines and essence of anthropological crisis of a modern civilization. In research strategy of an exit from a crisis condition by means of sizigial anthropology is developed.

Keywords: the person, civilization's crisis, sizigial anthropology.

Поступило в редакцію 11.09.2007